«Постоянное повышеніе (съ 1848 г.) замѣчается только у двухъ хорошо защищенныхъ частей рабочаго класса. Первая изъ нихъ—это фабричные рабочіе. Законодательное установленіе въ ихъ пользу хотя сколько-нибудь сноснаго рабочаго дня возстановило болѣе или менѣе ихъ корпоративную организацію и придало имъ, благодаря этой организаціи, еще большій моральный авторитетъ. Ихъ положеніе несомнѣнно улучшилось съ 1848 г.... Другая часть—это большіе трэдъ-юніоны. Эти организаціи обнимаютъ такія отрасли труда, въ которыхъ приложима или, по крайней мѣрѣ, преобладаетъ лишь работа взрослыхъ людей. Ни конкурренція дѣтскаго и женскаго труда, ни конкурренція машинъ не могли еще до сихъ поръ сломить ихъ организованной силы... Ихъ положеніе, несомнѣнно, значительно улучшилось съ 1848 г.; лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что вотъ уже въ теченіе болѣе 15 лѣтъ не только ихъ хозяева ими, но и они были въ высшей степени довольны своими хозяевами. Они образуютъ аристократію въ рабочемъ классѣ; имъ удалось добиться сравнительно комфортабельнаго положенія и они принимаютъ это положеніе за окончательное... Но что касается главной массы рабочихъ, то уровень ихъ бѣдствій и необезпеченности ихъ существованія стоитъ такъ же низко, если еще не ниже, чѣмъ прежде» *)...

Эти не подлежащія никакому заподозриванію въ оптимизмѣ и общепризнанныя свидѣтельства подтверждаютъ, во-первыхъ, то положеніе, что непосредственныя экономическія улучшенія въ промышленно-развитыхъ капиталистическихъ странахъ распредѣляются далеко не равномѣрно и распространяются лишь на нѣкоторые, хотя и *значительные* слои организованныхъ рабочихъ, достигая при этомъ уже *довольно значительныхъ* размѣровъ, а во вторыхъ,—и это особенно важно—что, благодаря такому неравномѣрному распредѣленію, эти экономическія улучшенія вызываютъ значительную дифференціацію въ средѣ рабочихъ массъ, выдѣляя изъ нихъ привилегированную часть, рабочую аристократію, какъ говоритъ Энгельсъ, по отношенію къ которой психологическое вліяніе «соціальныхъ различій», на которомъ такъ настаиваетъ Каутскій, должно дѣйствовать уже не только сверху, указывая на разстояніе, отдѣляющее ее отъ буржуазіи, но также и снизу, указывая на разстояніе, отдѣляющее ее отъ низшихъ слоевъ самого рабочаго класса.

Но при этомъ необходимо всетаки отмѣтить, что всѣ эти выводы примѣнимы не ко всякому капиталистическому обществу, не къ каждой странѣ, въ которой капитализмъ замѣнилъ собою натуральныя формы хозяйства, а лишь къ тѣмъ странамъ, въ которыхъ капиталистическое производство развивается особенно успѣшно, сопровождается огромнымъ накопленіемъ національнаго

*) *Ibidem.*

богатства и проявляетъ въ значительныхъ размѣрахъ свои такъ называемыя творческія, организующія стороны,—такъ какъ только въ такихъ странахъ возникаетъ самая экономическая возможность для сколько-нибудь значительнаго повышенія матеріальнаго благосостоянія рабочихъ массъ, экономическая возможность для того пути наименьшаго сопротивленія, по которому рабочее движеніе можетъ направляться лишь при очень успѣшномъ развитіи капиталистическаго способа производства.

Эта очень важная черта развитого капитализма заслуживаетъ особаго нашего вниманія при подведеніи политическихъ итоговъ соціалистическаго движенія, при опредѣленіи причинъ и условій паденія буржуазнаго строя, такъ какъ она касается уже условій самого рабочаго движенія, этой, такъ сказать, послѣдней инстанціи современной соціалъ-демократической теоріи научнаго соціализма. Мы уже видѣли, что два первоначальныхъ устоя: промышленные кризисы и концентрація капитала, какъ она понималась въ началѣ, должны были быть отвергнуты, когда оказалось, что дѣйствительный ходъ промышленнаго развитія не подтвердилъ этихъ первоначальныхъ теоретическихъ построеній; тогда вся теорія соціалистическаго переворота, построенная на развитіи капиталистическаго способа производства, сосредоточилась на идеѣ организованнаго рабочаго движенія, возрастающаго въ своихъ размѣрахъ вмѣстѣ съ его развитіемъ. При этомъ мы видѣли, однако, что эта теорія оставляетъ совершенно въ сторонѣ тѣ противоположныя, буржуазныя, капиталистическія силы, которыя тоже возрастаютъ и накопляются въ буржуазномъ обществѣ при всякомъ успѣшномъ развитіи капиталистической индустріи. Такая односторонность, несомнѣнно, вноситъ большую незаконченность и неопредѣленность во все построеніе, такъ какъ развивающееся рабочее движеніе приходится разсматривать совершенно независимо отъ той обстановки, въ которой ему приходится дѣйствовать, и всѣ его результаты, всѣ его общественныя послѣдствія могутъ измѣряться въ такомъ случаѣ лишь разсчетами на его неудержимый революціонный порывъ: какъ бы ни были велики препятствія, какъ бы ни были велики силы противника,—онѣ будутъ сломлены этимъ неудержимымъ революціоннымъ порывомъ организованнаго рабочаго движенія: такова общая идея этого новѣйшаго соціалъ-демократическаго построенія. Но здѣсь кстати напомнить одинъ изъ любимыхъ афоризмовъ экономическихъ матеріалистовъ: гоните экономическія условія въ дверь, они не замедлятъ ворваться въ окно; когда игнорируется въ одной области извѣстная реальная общественная сила, она неминуемо заявляетъ о себѣ съ какой-нибудь другой стороны. Въ данномъ случаѣ эта реальная общественная сила проявляетъ себя въ томъ способѣ самозащиты, который буржуазія противопоставляетъ самому рабочему движенію: та огромная экономическая сила, которая создается на сторонѣ буржуазнаго общества разви-